

Федор Метлицкий

Непокорность

Политическая фантастика

Федор Метлицкий

**Непокорность.
Политическая фантастика**

«Издательские решения»

Метлицкий Ф.

Непокорность. Политическая фантастика / Ф. Метлицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936820-1

В 40-х годах XXI века страна испытывает очередной кризис. Рассказчик собирает общественное движение «Спасение», в которое почему-то стекаются оппозиционеры и либералы. Их противники ненавидят «либерастов» за то, что те обвиняют в лицемерии и наживе. Борьба заканчивается закрытием организации... Внезапно доминирующая в мире империя вторгается страну, новейшим нелетальным оружием парализовав ее ядерный щит и войска. Все в стране меняется, и с ней персонажи книги. Поднимается волна сопротивления.

ISBN 978-5-44-936820-1

© Метлицкий Ф.
© Издательские решения

Содержание

НЕПОКОРНОСТЬ	6
ЧАСТЬ I	7
1	7
2	11
3	16
4	18
5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Непокорность Политическая фантастика

Федор Метлицкий

© Федор Метлицкий, 2018

ISBN 978-5-4493-6820-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Непокорность

НЕПОКОРНОСТЬ

«Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство»

А. С. Пушкин

*(из письма Вяземскому
27 мая 1826 года)*

В 40-х годах XXI века страна испытывает очередной кризис. Повествователь собирает общественное движение «Спасение», в которое почему-то стекаются отъявленные оппозиционеры и либералы, недовольные Системой. Он – романтик и аскет, изнуренный непосильной ношей. Его друзья: экономист Игорь, безыдейный насмешник, писатель Павел Знаменский, романы которого «со старомодным вздохом о недостойной для человека жизни» перестали печатать, политолог Нелюбин, изрекающий неслыханные откровения, выворачивающие наружу тайные человеческие пороки, благородный демократ Илья Богородский, лишенный юмора от переживаний за родину...

Их противники искренно ненавидят «либерастов» за то, что те постоянно «кусают за икры», обвиняя в лицемерии и наживе. Борьба заканчивается закрытием организации...

Неожиданно в страну вторгается доминирующая в мире империя, новейшим не летальным оружием парализовав электронику ядерного щита страны и войска, внезапно оцепеневшие и с блаженными лицами встретившие захватчика. Все в стране меняется, и с ней персонажи книги. Поднимается волна сопротивления.

ЧАСТЬ I

1

Я шел по площади расслабленный, как это было, когда вернулся после командировки из враждебной страны. Оживленные супермаркеты и магазины, по-домашнему открывшие все двери, зазывающие широкие окна витрин, полные образцов товаров, на огромных рекламных щитах игриво улыбались изящно изогнутые недоступные дамы в бриллиантах. Откуда-то доносились музыка, разнося звуки по всему пространству.

И это – на волне взбесившейся пропаганды в мировых СМИ, поднявшейся до критического пика и опустившей престиж нашей страны ниже плинтуса. Мне казалось – это веселье перед концом света.

Входя в офис, я думал об одном: как пройдет перерегистрация моей организации, будут ли деньги на зарплату сотрудников в следующем месяце, и для семьи. Вспомнил обиду жены на зарплату нищоброта, и внутри засосала тягучая забота о семье.

Встретила молоденькая секретарша, радостно взглянув на меня распахнутыми малахитовыми глазами. Она похожа на юную гимнастку, в коротенькой юбочке, обнажающей удивительные точеные длинные ножки. Она знала свою силу.

Я чувствовал себя стариком, который уже перестает приглаживать волосы (с сединой), предчувствуя появление хорошенькой девушки, – мысль о себе, старике отводит от этого намерения, и остается желание выглядеть достойно возрасту.

За мной втиснулся опоздавший молодой сотрудник, живчик с мальчишескими повадками.

– Привет, Светуля, – захопотал над ней, галантно наклоняясь лохматой шевелюрой. Она отпрянула от его задевающих волос.

Мне представилось: он часто вглядывается в зеркало в уборной, видя привлекательный овал лица, и завидует сам себе. А в вагоне метро жарко впивается взглядом в женщин, сидящих напротив. Но те почему-то остаются равнодушными или презрительными.

– Хватит скоморошничать перед дамой. Зайди.

Я был зол – его не было неделю. Втянулся в это противное душе состояние – перед сиянием малахитовых глаз, нарушив нежную ауру. Что это за нехорошее горение внутри? В последнее время чувствовал себя утомленным.

В моем кабинете я дал волю гневу.

– Где был? Звонили, звонили...

– Болел.

Я обмяк.

– Температура?

– Да.

Вдруг осенило: а почему звонил домой – он не отзывался? Может быть, в беспамятстве вышел и бродил, как лунатик. Или не мог дотянуться до телефона исхудавшей ладонью.

Тот вспылел.

– Хотите уязвить?

– Это вы нас уязвляете, взваливаете свою работу на других!

Что с ним делать? Уволить, с дальнейшими судебными тяжбами? Не дать премии – они и так считают копейки? Жалко. Я не сумел поставить дело так, чтобы каждый мучился моим состоянием нищеты и жажды выжить, как я. Отвечал за свою судьбу.

Сидящий напротив бухгалтер Травкин поднял от бумаг морщинистое лицо.

– Выгони этого тунеядца! Не рабочая косточка.

В нем есть что-то прочное, крестьянское. Мы начинали вместе, и он ободрял меня своим оптимизмом.

– Можете выгнать, это вам даром не пройдет! – вспыхнул лохматый, и твердым шагом вышел.

—

В конференц-зале уже сидели члены Совета нашего общественного движения «Спасение»: писатель Павел Знаменский, свободный бизнесмен Игорь Туркин и политолог и экономист Нелюбин, мои друзья. Вошли – громогласный коммунист Холмогоров, неутомимый разработчик утопических проектов (сколько я его знал, он всегда предлагал проекты, горел ими, но они почему-то не шли), и диссидент Волховинский в мятом пиджаке, вернувшийся на родину и прислонившийся к нам (живших в Лондоне эмигрантов по привычке зовут «диссидентами»).

Выплыл откуда-то из гнетущей атмосферы кризиса участник Движения – благородный демократ Илья Богородский с медальным лицом, лишенный юмора от переживаний за родину, со своими сторонниками. Заглянул из любопытства известный телеведущий Дмитрий Данг, маленький, с поднятым подбородком, в наглухо застегнутом розовом френче, похожий на дуче.

Трибуна, как говорится, предоставлялась кому не лень. Это был прорыв – стало возможным спорить откровенно во время нового кризиса в стране, как во времена после крушения Советского Союза.

Диссидент Волховинский, как старший, говорил доброжелательно, раздвинув улыбку на широком апоплексически красном лице. Когда-то его бизнес «закрыли» в лихие времена, он отсидел несколько лет в тюрьме, и бежал без оглядки за границу, проклиная Систему.

– Возвращается Византия, которая вылепила наше мировосприятие. Она была похожа на нашу эпоху бюрократии. Евстафий Ромей во II веке писал: античность была неотделима от достоинства свободорожденного гражданина, а среди ромеев выпороть можно любого. Крестьяне бунтуют, пока у них что-то есть, а потеряв все, смиряются со своей судьбой. Византия пала из-за тоталитаризма. И Россия так и не обрела свою идентичность. Ее общежитие держится на предании. Вместо порядка – привычка повиноваться. Вместо знания – любознательность. Юридическое знание – лишь в требовании своих прав. Не могут понять, что богатство заключается в способности к терпеливой работе. А страх соперничества с Западом? Страх поколений остался еще со времен разорения Ордой. Но у нашего народа есть потрясающая способность – подниматься после падения!

– С чего ты взял? – трубно закричал коммунист Холмогоров. – А «Слово о полку...»? А наш славянский дух, о который, как об утес, разбились все шедшие к нам «с мечом»? Разве этот дух вылеплен не нами самими? А жизнь при тоталитаризме, наряду с насилием над народом, была такой же полнокровной, как и при других системах, и ее невозможно вычеркнуть.

Экономист и политолог Нелюбин, в своем черном кителе демона, самодовольно медлительным тоном пробасил:

– Если бы в plombированном вагоне перевезли бы не Ленина, а трех американских капиталистов – как бы расцвела наша страна!

Благородный не улыбочивый Илья Богородский скороговоркой сказал:

– От нашего византийства можно освободиться, только изменив Систему, кстати, мирно. Мы создали ячейки по всем регионам.

– Га! – ощерил зубы телеведущий Данг, и поправил пуговицу наглухо застегнутого розового френча. – Куда вам, шутам гороховым, против государственного ресурса!

Он мстил «этим либерастам» за то, что те беспрестанно хватали его за икры, обвиняя в лжепатриотизме и покупке дворца за границей.

Холмогоров с вдохновенной обидой кричал:

– Хаеете прошлое, забывая, что жили в полете, создавали новую эпоху, пускай и утопию.

Коммунизм – это тысячелетняя мечта человечества, и ее не опоганить никому!

Это было так, недаром и к середине двадцать первого века компартия существует.

Нелюбин едко усмехнулся.

– Вы превратили мечту в пустоту алхимической пробырки, зачинающей «нового человека».

От мизантропа Нелюбина исходило нечто, отчего у окружающих вспыхивали озарения о себе и жизни.

– Человеческая особь – существо, знающее, что оно смертно, но чувствующее себя бессмертным. Эта трагическая коллизия определяет историю человечества. Утрата светлого будущего воспринимается болезненно. Смутные сокровенные чаяния связывает с мифическим будущим. Это за них жертвуют во время войны.

– Откуда ты это вычитал? – взревел Холмогоров. – Из старых истин?

– В разных эпохах бродят одни и те же истины, – возвестил Нелюбин и невозмутимо продолжал: – А мавзолеи – это нечто сакральное, построенное на сокровенном желании бессмертия. Мавзолей неприемлем с точки зрения материализма, но входившие в него проникались ленинизмом больше, чем прочитали бы все его тома. Вождь живее всех живых. Иррациональная изнанка нашего воинствующего материализма. Отрицая бессмертную душу, настаивают на сохранении праха. Памятники – напоминание, кого воскресить в первую очередь. Не этот ли секрет скрывается за уставами всех тайных обществ?

Он восхищал нас откровенностью, обнажающей и очищающей все существо каждого небывалым контрастом. Его называли телекиллером, по аналогии с известным в прежние времена политологом, хотя он никогда не работал на телевидении. Я был покорен обаянием его интеллекта. Откуда этот «сумрачный гений»? Он выдержал страшные нападки за то, что выворачивал наизнанку все дерьмо оппонентов, был лишен голоса в прессе, и сейчас работал в нашем веб-сайте, сделав его скандально известным.

Игорь оживился, словно внезапно осененный:

– Бери дальше. Воскрешение одного вождя, как бы воскрешающее всю нацию, – это омертвление. По учению Николая Федорова все теряет смысл без веры в бессмертие и воскрешение каждого. Отсюда его неприятие культуры, как источника омертвления, а не воскрешения.

Волховинский доброжелательно усмехнулся.

– Тайная доктрина общего воскресения путем воскрешения вождей повлекла последствия – человечество не нуждается в боге (Бога нет!) – отсюда фантастическая нетерпимость воинствующего атеизма. Репрессивная машина государства – во имя бессмертия неограниченной власти над человеческими жизнями.

Проняло и Пашу Знаменского.

– В новый мир каждый может уйти только со всем миром, а одного – не исцелит. Душа человека мировая. Дело не в борьбе за свободу, а в исцелении души.

Игорь сыпал откровениями:

– А всеобщее выступление за смертную казнь – объясняется той же жадой жертвы! Все равно, виновата ли жертва, она нужна для того, чтобы оживить всех. Как у инков.

– Вампирический гуманизм – через жертву, – изрекал свои «bon-mots» Нелюбин.

Телеведущий Данг фыркнул.

– Как вы ухитряетесь видеть все в черном свете?

– Не в черном, а в трагическом, – покраснел благородный Илья. – Вы чего-то страшно не понимаете, пробел в образовании.

Тот громко отодвинул стул и вышел.

Тут влез мой бухгалтер Травкин, глядя сквозь непробиваемое ясное стекло своей убежденности, уверенно перебил:

– Что вы все усложняете! Все идет нормально! Мы под надежным прикрытием.

Он живет в прочной вере в существующие нормы, видя в других людях ребяческие отклонения от реального состояния дел. Я держался за него из-за того, что за ним большинство.

– Еще бы! – провозгласил Холмогоров. – Надежный ядерный щит! Доминирующая империя организовала мировые силы быстрого реагирования против оси зла – террористической России. Вне прогресса у них нет ничего нового. Отними – а там зубы доброй старой Англии, завоевавшей полмира.

– Но, но! – предупредил Нелюбин. – Запада и Востока нет. Это уступка идеологическому идиотизму. Древние китайцы были более западными, чем западное население.

– Ты что? – изумился Холмогоров.

– Американизация – ложное понятие. И русской ментальности тоже не существует.

Писатель Знаменский прервал потоки откровений, процитировал ироническим тоном:

*Ведь это снег! Последний снег весны.
Густой и теплый – а не лечит душу.
Все дни налипише – побелены,
И словно мир в чистилище погружен.*

И, увлекшись, продолжил:

*Как снег идет – лицо совсем не жжет,
Тепло – на целый свет, зачаток лета.
И нет вражды, что, мнилось, жизнь забьет,
И теплится – еще в томленье света.
Ведь это снег! Средины века снег —
Какой-то вялый – ни тепло, ни худо,
И шлепает мой дух по лужам, слеп,
Не понимая, что же дальше будет.*

Все зааплодировали.

Я воспринимал все эти споры как словоизвержения. Не удавалось обсудить стратегию и тактику общественного движения «Спасение», для чего я собрал Совет. Мысли мои вертелись вокруг положения нашей организации...

Очнулся от мыслей и опять ощутил на себе взгляд юной Светы, она скромно сидела за своим секретарским столом. Поразительно похожа на мою жену в молодости! Мой возраст уже позволял смотреть со стороны, как резвятся молодые счастливицы. Счастье спрямляет жизнь, говорил, кажется, писатель Вениамин Каверин.

2

К сороковым годам XXI века страна пережила несколько потрясений.

Это распад подлинной дружбы в «новой общности людей – советском народе». Спала пелена, и обнажились зияния таких конфликтов и трагедий, что показались дурным сном. Бывшие страны Советского Союза окончательно разошлись в разные стороны.

А потом – передача власти от долго правившего одряхлевшего лидера, обладавшего колоссальным авторитетом, своему молодому преемнику, верному его концепции развития страны. Рейтинг ушедшего лидера не колебали ни осложнения во внешней политике из-за поддержки ближневосточных государств, подвергшихся нападению исламистов; ни изоляция от передовых стран и падение престижа страны, обрушенного диким улюлюканьем иностранной прессы перед «осью зла» из-за еще не забытого давнего возвращения в «родную гавань» Крыма и новых приращений «русского мира» за счет русскоязычных земель в соседних странах, тоже страстно желавших войти в «родную гавань». Как ворчали оппоненты, все это стало в заслугу вождю, а неудачи на внутреннем фронте, вроде падения рубля, изоляции от внешних рынков в результате санкций, – считались плохой работой правительства, плохой премьер всегда оказывался мальчиком для битья, а лидер в глазах народа оставался в стороне «весь в белом». Он действительно не был виноват, потому что сам критиковал нерадивое и непослушное правительство. Ничего не знал, и вдруг на тебе – коррупция! Инициировал суды над взяточниками-чиновниками, громогласно искореняя коррупцию.

По роковому обыкновению, снова в сороковых двадцать первого столетия страна привычно переживала тяжелое время. Время кризиса, вызванного неблагоприятным климатом в мировой экономике, и санкциями, в который раз введенными за нарушение международных обязательств в нашей борьбе за освященную веками сферу влияния. Обидно выпоротая страна требовала отмщения. Телевидение показывало прошлые великие победы над врагом, демонстрировало военные парады и мощь нашего оружия, хитроумные действия в тылу врага «ЧВК Вагнера», добровольческой частной армии. Больше пока нечем было ободрить народ.

Последнее десятилетие, названное временем «нового брежневского» застоя, сменилось временем мобилизации. Единство большинства народа, правда, сильно поколебленного (пришли поколения «непоротых»), было еще крепким.

—

После смены власти повеяло свежим воздухом перемен.

Шли выборы в парламент. В агитпунктах, переоборудованных школах, на которых висели гирлянды из разноцветных шаров, внутри царила благоговейная тишина и повышенная чуткость к избирателям.

Как всегда, радикалы обвиняли избиркомы, тяготеющие к «партии власти», опасаясь за свое положение, в приписке избирателей, вбросах, выбросах и подбросах бюллетеней за правящую партию. Гневно писали в блогах, что в авторитарной стране – нет выборов, ибо власть смело включает государственный ресурс, и нужные кандидаты все время прямо или косвенно торчат на экранах телевизоров.

В то же время альтернативные кандидаты лишались средств массовой информации и вынуждены были бегать по подворотням, своими ногами пытаясь добежать до избирателей, безнадежно оглядывая бесчисленные окна их квартир. Их всячески третировали, даже сажали в кутузки, на время предвыборной гонки, придравшись к организации незаконных митингов и шествий.

Ничто не могло поколебать хороший рейтинг недавно избранного молодого лидера, поддержанного авторитетом одряхлевшего вождя.

Он, кстати, поохал и по поводу «наезда» на наше движение «Спасение», но ничего не мог поделать: все решает суд.

Когда-то молодым и полным энергии я хотел создать организацию, смело бросающуюся в бой за нравственную чистоту общества, объединяющую «чистый бизнес».

Сутками сидел за компьютером, создавая международный экологический проект, предусматривающий соединение предпринимательства, эксплуатирующего природные ресурсы, с высокой нравственностью. Со скрытой целью сделать человеческие отношения более чистыми.

Кто-то из правительства обещал нам, что правительство предоставит гарантии под проект. Некоторые заинтересованные бизнесмены, может быть, такие же наивные, как я, затратили много времени на проработку финансовой стороны проекта под правительственную гарантию, имея в виду, что мы откатим 50%. У меня в офисе почему-то поселился на диване грузин с бородкой, напоминающий качка далеких лихих лет, играющий ножичком. Но правительство отказало в гарантии. Никому не пожелаю того, что я испытал, петляя как заяц, спасаясь от наивных бизнесменов, вложившихся в проект. Это оказалась мафия.

С тех пор я отговаривал соратников от участия в грандиозных прожектах, в которых они предусматривали участие нашей организации.

– Поверьте, я знаю! Сколько проектов пылятся в помещении, которое мы арендовали тогда! А вы туда же – тащите в наше «Спасение» камень, который нас утопит.

—

Общественное движение «Спасение» разрасталось.

Это люди, прибившиеся к нам, словно спасаясь от чего-то, поверили в мощь движения «Спасение»: преподаватели и профессора из исчезнувших или еле выживающих НИИ и вузов во время нового кризиса, и другие примкнувшие к нам знатоки экономики и человеческих душ. Но среди них были и случайные люди, с неискоренимыми повадками иждивенцев, и большей частью проводили время в болтовне и неопределенной тревоге за будущее, не зная, что делать.

Они быстро заполнили секции, все ниши нашей деятельности.

Я начал готовить съезд участников Движения «Спасение». Один из привлеченных мной организаторы профессор Гржибовский при подготовке съезда развил бурную деятельность. Я почему-то стал сомневаться, не хочет ли он сам стать президентом. И подмять под себя нашу известную газету «Спасение», чтобы заполучить собственную трибуну. Может быть, и вправду он сможет быть лучшим руководителем, чем я? Все-таки ученый, богатые связи.

Он просил на командировки, на газету деньги, которых не было. Упрекал меня в мелочности, мол, считает копейки, не даю денег для командировок на значительные международные мероприятия. Я удивлялся: неужели не видит, что сотрудники работают почти задаром? Мне передали его слова: «Как только человек занимает руководящее положение, он становится поперек прогресса».

Мой бухгалтер Травкин возмущался: халявщик, паразитирующий на «неграх», вообразил себя Юпитером! Нет, это не рабочая косточка, халявщик.

Наше «Спасение» переживало трудные дни, не поддерживаемое Системой и не имеющее средств на выполнение программ. Я, как животное, защищал свое детище от нападков. Но не мог вырваться в свободное плавание – не давали. Кто? Может быть, даже не власть, а само тормозящее движение жизни.

В одиночку я не мог потянуть. Международная программа зыбка. Поддержат ли? Удастся ли получить что-то из бюджета? И нужно ли брать, чтобы не «сесть»? И все еще наде-

ялся на активного профессора, на его большие связи. А что, если будет успех? Ринутся всякие «примкнувшие к нам» – пользоваться плодами. Представил, как буду отдира́ть примкнувших к нам паразитов, лжеученых, вставших на сторону уволенных. Вспомнил, как увольнял бездельника, обхаживающего секретаршу Свету, который подал в суд, чтобы его восстановили на работе или выплатили неподъемную сумму, якобы, полагающуюся при увольнении.

Может быть, поможет съезд участников движения «Спасение» – наш руководящий орган, который предстоит созвать.

Главным нашим делом были независимая газета «Спасение» и веб-сайт, ставшие известными на всю страну. Основное направление было, кроме формирования «чистых» отношений в обществе, – защита предпринимателя, и через него все работающее на скудную зарплату простое население в обществе потребления. Правда, это выражалось в скромном желании осветить его положение «усталого страдающего брата», не поднимающего глаз от работы.

У нас был принцип: давать слово всем слоям политологов, журналистов и политизирующих. Мы не были против чего-либо, а лишь объективно описывали ситуацию. Но и это становилось опасно.

Наш круг профессоров и политологов – члены Совета, и другие обиженные представители партий и течений, кучкующиеся вокруг наших изданий, писали острые статьи и эссе: о проблемах конца старой истории; о давно обветшавших представлениях о войне и мире и победе одной системы над другой; о роли государства, возможности строгости и мягкости в отношении к населению, о необходимости перехода авторитаризма в демократию, до сих пор не проясненного окончательно. И даже – о натужности изображения в литературе положительных героев в современных условиях.

Наши авторы давали прогнозы: что будет дальше – на фоне ослабления энергии населения, то есть равнодушия, потому что нет веры в будущее, неведомо, что может случиться. Тело не уходит в здоровый образ жизни, несмотря на победные военные парады и бесконечную вереницу плясок в цветных сарафанах.

Осторожно и опосредованно упрекали, или прямо крыли матом государевых людей за их стандартные речи, бодро измеряющие самочувствие средне-статистического гражданина как среднюю температуру по больнице, и оно, это самочувствие, оказывалось хорошим. И – нужно ли входить в структуры государства с целью очеловечивания ее изнутри, или можно замараться участием в токсичной Системе.

Были и статьи, где вовсю разделялись с демократами и либералами, взявшимися защищать народ, хотя само же население невзлюбило их за индивидуализм и отсутствие в них тепла.

Наши авторы соглашались, как трудно сейчас продвигать экономику, не пустив в ход палку закона, но это порождает среду рабов и господ. Разве насильственный слом старой системы даст возможность раскрыть творческие личности, которые уезжают за границу, чтобы не задохнуться? Это, ведь, долгий процесс формирования личности, независимый от места.

Друг, писатель Паша Знаменский писал в эссе: люди живут в своем мире, ограниченном горизонтом, земным шаром. Много слепых, как дауны, радуются своему бессмертию. А мужественный герой-победитель превратился в стоического растерянного обывателя. Может быть, скоро он снова станет героем – исследователем в космосе? Нужно видеть за горизонтом судьбу пока что слепого человечества: страны и цивилизации дерутся, загрязняют землю, считая, что она навсегда. Видеть трагизм земного существования.

Так примерно писали наши авторы в газете и сайте. Но все равно, несмотря на разную в их взглядах, наши противники хищно унюхивали в газете неявную поддержку левых радикалов. У меня все время возникали нехорошие мысли насчет нашего будущего.

Я в своих эссе, ради смягчения позиции газеты, в своей передовице возражал колодникам: людям свойственно все человеческое, человек со своими слабостями – это привычка. Привыкает к своему образу жизни, к семье, окружению. Иначе не было бы семьи, друзей, любви, наконец. Прилипчивость к другим людям, к месту, к работе, – становится любовью или страданием.

А может быть, это вообще в природе человека – освобождение путем ухода в привычное общение тесно кучкующихся людей, преобразующееся в близость и любовь, и все дело – в расширении этой тесной кучки до вселенских пределов...

А за этим кругом – привычка к повседневно жужжащим в ухо идеям, «казенной» доброте государства.

Либералы думают, что можно сразу, как созреет плод, захватить власть и поменять старую систему, где власть исходит от Бога. Не умеют думать исторически, словно богоданную Москву можно сразу заменить на европейскую демократию. Это пытался сделать еще Петр Первый, законами кнута. И что вышло?

И при этом у меня не было желания полностью открывать свои мысли, которые пестрое общество не примет. Не из-за радикальности моих взглядов, а просто не поймут, и будут вертеть пальцем у виска.

—

Наша великая цель не могла обойтись без хотя бы мизерного денежного вливания. Я зарегистрировал при общественном движении «Спасение» мелкую фирму по поддержке предпринимателей, производящих экологически чистую продукцию. Была надежда поддержать наши общественные программы, завалив их деньгами от организации конкурсов «Экологическая чистота» с награждением медалью тех, у кого «чистая» фирма и «чистая» продукция, чтобы покупатель отрывал их продукт с руками.

Конечно, хотели выдавать награды не тем, кто больше заплатит, а согласно протоколам исследований профессиональных экспертов, выделяя только натуральное и безопасное.

Правда, не знали, нуждается ли предприниматель в нашей поддержке.

Я с головой окунулся в среду тягостного и нервного существования не то общественника, не то частника-предпринимателя.

Ох, уж эта доля частника! Постоянный страх банкротства, лавирование под топором меняющихся законов и запрещающих постановлений парламента, силовиков, налоговиков, арендаторов. Одиночество, полагающееся только на себя, страх, как в опасном лесу среди волков.

Это было так во все времена. Животные, чтобы выжить, должны постоянно искать пищу и кров, по необходимости убивать. Свобода от необходимости – где она? Но они трудятся на себя, отгоняя от добытого угрожающим оскалом. А среди людей тот, кто создавал что-то необходимое для поддержания жизни, привлекательное своей ценностью, всегда оказывался рабом или крепостным, кого заставляли создавать ценности насильственно, желательно не оплачивая. Правда, никто не хотел его гибели. Нищета – это грань, на которой хозяева держат работников, чтобы те еще работали.

Поставленные над массой чиновники – силовики, мытари, налоговики и прочие иждивенцы с древних времен загоняли в угол оскалившихся, обращались с добытчиками, как с бесправным низшим классом, совершали рейдерские захваты прибыльных предприятий, сажая в тюрьму самих жертв захватов. И лишь те, кто имел надежную «крышу», умели обойти или уйти в «серую зону», могли выжить и процветать.

Дело, созданное частником – вопрос жизни и смерти. Его борьба за выживание – это шекспировская борьба с всемирным злом. Какой беспросветный ужас ложится на душу, когда отнимают дело силовые органы, и нет никого, кто постарался бы спасти его и семью от разо-

рения и нищенства. И ужас банкротства, когда возникает мысль покончить с собой. Я видел, когда судился с уволенным бездельником, такого, проигравшего свое дело, захваченное влиятельным рейдером. На мою бодрую шутку победителя, выигравшего процесс, он жалко улыбнулся, так, что стало больно.

Вспомнил, как во времена нашего нищенства и угрозы ликвидации нас спасла бойкая дама из государственной структуры, выделив из госсредств деньги за работу по нашей линии. Сделали всю черную работу, но пришлось ей «откатить» 60% от полученной суммы. Полученные крохи выручили, но ненависть моя не знала предела.

Если радость в достижении цели грубо обрывается сторожащим рядом государственным насилием, с оскалом хищника, – это признак несправедливости в природе и обществе. Неужели так задумано природой с самого зарождения жизни – жить под гнетом необходимости, угнетать одно существо другим?

Тогда несправедлива сама природа! Зачем надо было рожать живое существо? Чтобы оно, перестрадав, было съедено?

Наша фирма, как и само движение «Спасение», оказались живы благодаря приходящим откуда-то заказам на наши услуги. Оказалось необходимым каким-то предпринимателям, хотя мы с годами стали считать наш труд невостребованным. Но мы, видимо, были нужны, потому что к нам все больше и больше обращались обиженные невниманием покупателей одиночные предприятия-заказчики с экологически чистой продукцией. Наверно, потому, что мы старались выпятить фермерскую чистоту и безопасность предлагаемой заказчиками продукции, что хорошо для ее рекламы и продвижения. При этом неявно подлизывались к заказчику путем афористической передачи суровой прекрасной правды о показателях качества и безопасности его товара.

Наши конкуренты, лишенные какой-либо морали, издевательски хмыкая над нашей наивностью, легко отбирали нашу поляну. Безнаказанность конкурентов дошла до того, что они сделали передачу на первом канале телевидения, где показали нашу конкурсную медаль, бесстрашную птичку на нежной ладони, – на банке навоза, как, якобы, экологически чистые удобрения. Мы отбивались через суд, мол, на дерьмо никаких наград не давали. Они проиграли процесс из-за очевидного вранья, но спешно ликвидировали, видимо, фейкового «ответчика», наверно, снюхавшись с районным судом, и таким образом избежали позора, судебной пошлины и штрафа. Но меня же стали считать плохим руководителем, тряпкой, интеллигентом, не могущим повысить голос или поступить жестко и решительно.

Все же мы были горды тем, что незаметно создали целую систему продвижения чистой и безопасной продукции. И, погруженные по уши в работу, в этой части мнили себя в центре вселенной, как гордые чиновники из Министерства. Я видел возвышенную цель моей работы. Видят ли ее другие? Или крутят кратковременный бизнес, чтобы хапнуть и убежать? Я был уверен, что все хотят работать иначе, чем просто крутиться в дерьме. Уверен, все люди – мечтающие.

Я не посвящал жену в мои горести – пусть хоть она и ребенок будут счастливы, избавлены от забот.

3

Незаметно сузился круг близких людей: ставших пожилыми родственников и друзей (правда, друзей почти не стало, поумирали). Оставшийся наш круг постепенно становился далеким от кипящей энергии неутомимого круга молодых, собирающихся на запретные для стариков тусовки, ночные клубы, выходящих на свои «монстрации». На свадьбе внуков, веселящихся и увлеченных собой, вздыхали:

– Мы для них не существуем!

Они внутренне благожелательны, и, наверно, изредка будут вспоминать о нас. Но и только. А что тебе еще надо? Чтобы рвались к могиле?

—

Я познакомился с будущей женой случайно, сидя в кабинете, когда она пришла брать интервью. Прилепилась ко мне, я и не помнил, как и когда, – был целиком в работе.

Человек – блуждающее существо, случайно прибывает к каким-то жаждущим существам другого пола. Она была юной красавицей, похожей на мою секретаршу Свету, и я не заметил, как женился.

И после женитьбы я был постоянно занят, иногда встречались, только когда она после работы изредка заходила ко мне в кабинет, и в постели.

– Ты меня любишь, когда спишь со мной, – жаловалась она. Я отшучивался:

– Значит, когда основное время провожу вне тебя, не люблю?

– Да, не любишь. Потому и не спешишь домой.

Женщину терзает не плохой муж, а томительность жизни, не дающей, что хочется.

– Вообще редкие встречи играют огромную роль, – шутил я. – Мы не привыкаем, и потому стремимся соединиться.

Она замкнулась. И мы долго не разговаривали. Через неделю она оттаивала, начинала загадочно заглядывать мне в глаза, ловя мой надменный взгляд.

Я был суров, пытаюсь побороть желание обнять ее. Но как бы намагничивался своей суровостью, через которую не мог перешагнуть. И отодвигалось в неопределенность усиливающееся желание. Наконец, не выдерживал и молча хватал ее в охапку.

Она казалась бесчувственной. Мне хотелось, чтобы она испытывала блаженство. Переволотиться в женщину, узнать, даю ли ей наслаждение? Что женщина чувствует, когда в нее входит что-то твердое и жаркое, в самую нежную глубину. И не мог вообразить ничего, кроме того же наслаждения, что испытываю сам.

—

Жизнь стала прочной, когда появилась дочка, Юлечка. Я не мог насытиться, следя, как она медвежонком ползала по постели, поднимая голову с изумленными глазками. И хватала ручонками за нос нашего пуделька Норушу. Там светилась совсем другая, изначальная жизнь, как в миг рождения вселенной.

Как и в глазках увертывающейся серенькой Норуши, которую мы называли всякими именами: Нюся, Квакуша, Пушкин (из-за бакенбардов). Дочка еще не достаточно обладала речью, а та вообще не обладала второй сигнальной системой, и не зря. Невозможно быть фальшивым, солгать, не имея языка. Язык изобретен человеком для прикладных целей выкручивания и увиливания, чтобы выживать.

И отдыхала душа моя с ней, уже подросшей. На даче соорудил Юлечке гамак. Она, качаясь, кричала:

– Па-паа! Вон тот цветочек желтый, дай... И тот... Все принеси!

А там весь сад в цветах.

– И ты... синеглазку!

– Незабудку?

– Да, незабудку. И одуван принеси, воон там...

—

Жена говорит:

– Ты обмусоливаешь словами любую проблему. Причем тут идеология, философия? Нужна практическая взаимопомощь в любви – старая истина, пересказываемая словами миллион раз.

– Не думать?

– Да, не думать! Я хочу жить с близким человеком, а ты воздвигаешь стену из слов, холодную стену. Что это такое? Некая бездна эгоизма встает стеной.

– Даже так?

Я смеялся. Кажется, мы интеллектуально не соприкасались. Хотя, может быть, своим инстинктом она понимала жизнь больше, чем я. Ее захватывало сиюминутное, «жареные» факты споров в интернете (телевизор она не смотрела). Я же уходил в холодную глубину медленного течения мира, сквозь толщу которой смутно просвечивали небывало чудные лучи вечного света. Хотя сиюминутное, которое непосредственно и больно толкало мне в бок, могло из философа превратить меня в зверя.

—

Она жила для дочки и меня, моего тела: стирала (правда в хорошей стиральной машине, тыкая пальчиками кнопки), меняла белье, чтобы не занашивал, гладила рубашки, покупала мне одежду по своему вкусу, готовила поесть (тоже по своему вкусу, так как я не замечал еды), специальные овощные котлетки от запоров, мазала мазью петехии – красные точки на руках, и была готова даже нянчить меня.

Но вовсе не понимала меня. Больше всего боялась, что я заболею, или попаду в тюрьму, или (дождешься!) застрелят.

А вот государство, негодовал я, то есть куча иерархически выстроенных чиновников и их челяди, всю жизнь высасывавшие мои соки, даже в своем равнодушии не догадываясь об этом, – вообще никак не отнесутся, ничего личного, только закон!

А есть часть населения, которая не думает ни о каких смыслах, как животные, в их повседневных действиях это не нужно для существования.

Впрочем, мир всегда равнодушен к тебе. Каким ты будешь, как видишь мир, открытым или озлобленным, – зависит от круга близких, любящих или сдающих тебя в богадельню.

4

Я пришел в курирующий Департамент министерства с просьбой о поддержке.

Начальник, старый приятель по совместной борьбе в переходные времена, Пешков сидел в своем большом кабинете со стенами из лакированного дерева, из-за жары сняв пиджак, в галстуке и с закатанными рукавами рубашки, обнажавшими могучие волосатые руки. Перед ним его заместитель с мушкетерскими усиками, в застегнутом пиджаке и с галстуком.

– Садись, – милостиво пригласил он, вспомнив, какие были свободные, хорошие дни совместных встреч. И демократично пересел ко мне за гостевой стол. Я держал руки на лакированном столе, не зная, куда их деть.

Когда-то мы дружили, он даже был советчиком, кому я раскрывался до конца.

В шкафу в углу из приоткрытой дверцы выпирал погон висящей генеральской формы. Я улыбнулся: узнаю Пешку! Никто не знал, каким образом, в недавние смутные времена, он получил звание генерала.

На столе лежала многостраничная газета нашего независимого издания. Раскрыта страница со статьей Паши Знаменского. Пешков ядовито улыбнулся.

– Объясни мне, непонятливому: почему вы всегда становитесь поперек пути? Ведь, все ясно, мы наметили программу согласно просчитанным прогнозам развития.

– А вы не имеете даже своей реальной программы, – отозвался мушкетер.

– Сырая реальность не поддается планированию, – улыбнулся я. И процитировал:

*История живет в сознании,
В проекциях его пути,
Рожденных бредовыми снами,
Где полных истин не найти.
Обрывочна, рождаясь зыбко,
Как движущиеся облака,
Уходит, оставляя слепки
Лжи образа в словах, руках.*

– И что? – рассмеялся Пешков. – Ничего не делать? Плыть по течению?

Пешков всегда жил под командой – суровой матери, работавшей в этом же министерстве, с помощью ее он взобрался на эту почетную ступеньку.

Когда-то Пешков, как все юнцы, писал стихи, хотел прославиться своими некими произведениями, и считал себя особенным, отличным от других, кем и был на самом деле, – каждый эгоцентрист особенный по-своему.

Но он был слишком здоровым, чтобы что-то искать. Занимался спортом, бегал, и чувствовал себя самодостаточным.

Теперь он был на коне. Обеспечивал свою большую семью, детей отдал в элитную школу, построил свою трехэтажную дачу, с таким большим количеством комнат, что надо было аукаться, чтобы не затеряться. Но завидовал известности непокорного приятеля, умеющего возбудить общественное мнение вокруг своего имени.

Я знал чувства, владеющие им, когда-то сам служил в министерстве, и не смог выдержать слепого повиновения. Но Пешков не только не смирился, а охотно, даже с любовью занимался своим делом, не считая, что есть что-то более близкое, – цель своей жизни целиком разделял с целями системы, считая своим личным мировоззрением. И в своей активности бежал даже несколько впереди своих покровителей.

Слушая мои самоуверенную речь о наступающем переломе, что приведет к новому обществу, он понимал мой идеализм, сам был такой. Но Система обладает огромными ресурсами и доверием людей. Желания народа, общества совпадают с целями, которые воплощает Система. В конце концов, мы добиваемся процветания для народа. Может быть, вы обладаете более правильными идеями? Вам и карты в руки, так кто ж их вам даст, шутам без средств и влияния? Поэтому он не понимал этих одиночек, настороженных к нему, – видел по моим глазам. Что-то хотят делать свое, не такое, куда ведет Система. Не понимают, что обречены.

– Разве ты не видишь, что зреет недовольство? Куда это приведет? Вы, чиновники, этого не понимаете, поете о планах неуклонного улучшения жизни.

Лицо Пешкова стало жестким. Он научился быть властным, как настоящий руководитель. Казалось, он знает какие-то бездны чиновничьих секретов, скрытые от нас, гуляет в них, как рыба в воде.

– Обязанность государства – контролировать и ограничивать общество, чтобы оно не распалось. А этого вы не любите. На нас, чиновниках, зиждется само существование страны. Без нас не будет порядка, все скатится в тар-тарары!

Он взял себя в руки.

– Вы хотите поддержки, так не надо наскокивать.

– Сними розовые очки! – не выдержал я. – Тысячи лет прошли, а народ все еще выживает. Вы только измеряете самочувствие народа, как среднюю температуру по больнице, и находите его хорошим.

Я тоже научился быть властным, только в результате стремления к выживанию моей организации, без всякой поддержки у бесстрастных наблюдателей, – потонем или нет. А у приятеля могущественная поддержка самой Системы.

– Может, ты и прав, статистика обобщает. Только без нее страна существовать не может. Ладно, давай свои бумаги, подпишу, – вздохнул Пешков, и добавил: – И зря вы набрасываетесь на Систему в своих писульках.

Я удивился.

– Откуда ты это взял? Нас, извини, не интересует Система. А только человеческая душа.

«А ведь умен, хороший руководитель, – думал Пешков. – Жаль, что не с народом». Видимо, он любил память о нашей совместной молодости.

5

Часто я, мои друзья Игорь и Паша, и торчащий на работе Травкин перекусывали вместо обеда прямо в офисе. Мебель у нас простая – канцелярские шкафы, столы и старые стулья. Не сидим в ресторанах, как герои западных романов и фильмов, а едим принесенные из дома бутерброды и пьем растворимый кофе или чай из разнокалиберной посуды, собранной здесь в разные времена.

Паша принял от меня бутерброд (он не ел, где попало) и, отложив его, говорил грустно:

– На даче просыпаюсь ярким утром, за окном порхают и стрекочут птички. И подумал: смысл жизни – в самой жизни.

– Благоговение перед жизнью? – гоготнул Игорь, и с наслаждением глотнул кофе. – Благоговела перед жизнью вся советская литература, чтобы жить безбедно, и не отправили в Гулаг.

Паша не растерялся.

– Благоговение, – возразил он, – учит любви к каждому живому существу, к каждой травинке. Наш интеллигентский слой обычно пренебрегает преуспевающими поп-звездами, воспевающими любовь и красоту. А что – страдание? Чему оно учит? Абсолютизация страдания – абсолютизирует и узаконивает зло.

Я расслабился за едой.

– Неужели нет другого смысла жизни, кроме самой жизни? Мне почему-то больно. Несмотря на счастливое переживание твоего ясного утра и гомонящих в зеленой листве существ, есть в этом какой-то тупик.

Ироничный Игорь поднял перед собой нож:

– Раве жизнь дана нам не для того, чтобы вырваться из тупиков действительности в иные миры? И низринуться пламенем на землю, как говорил Гоголь, – чтобы осветить и жечь все мерзости жизни.

Паша восхитился:

– Хорошо, что ты знаешь, что такое жизнь, и для чего дана.

Травкин, отхватив зубами кусок бутерброда с колбасой, блаженно вторгся:

– Вы не имеете идеалов. Жизнь – это чтобы все вместе. Тогда все прекрасно.

Он убежденно бросал слова, которые, не осознавая, брал из самой гущи схваток политических ток-шоу, считая их народными. Боялся отодвигать себя от общего течения, а может быть, не думал об этом.

Игорь оглядел его.

– Ты – как несешь в рот что попало, так и выносишь изо рта всякую дрянь. И веришь в мировой заговор! Знаете, он собирает грибы у железной дороги, лечится азотной кислотой по методике всезнайки Болотова.

– Не трожь гениального академика!

Травкин всегда высказывал что-то простое. Игорь поддразнивал его, и мы покатывались со смеху.

Я поморщился. Вся моя жизнь была вырыванием себя из провинциальной глухоты, природных ограничений сознания, бегом куда-то: создать, переделать! Сквозь хорошо сплетенную сеть обязанностей и обязательств, а ее, как оказалось, невозможно проскочить. Превратил свою жизнь в идеологию, потеряв что-то главное. И только когда отвлекался от напряжения и отдавался свободному течению существования, тогда вдруг выплывала ясность выхода, и все удавалось.

Игорь обернулся к Паше.

– Брось, старик, не опускай голову!

Тот сказал:

– Как писал Гоголь о Языкове: в нем «примеркнул свет поэзии». Вот и во мне примеркнул. Когда берусь за перо, то заново восстанавливаю идею, словно начисто забыл.

– Значит, ты на пороге новых озарений.

– Какой там...

Я вспомнил запись в дневнике из потерятого коричневого томика Гоголя позапрошлого века издания, из моей библиотеки.

– Помнишь «Выбранные места...»? Вот, даже записал фразу: «Полюби потребное и нужное душе с такою силою, как полюбил ты прежде хмель юности твоей, и вдруг подымутся твои мысли наравне со стихом, раздастся огнедышащее слово: изобразишь нам ту же пошлость болезненной души твоей, но изобразишь так, что содрогнется человек от проснувшихся сил своих».

Паша вздохнул.

– Поздно уже богатырски расправлять плечи.

– Надо найти в себе потребное душе. Ведь, оно не исчезает.

– Ты просто потерял цель, – авторитетно сказал Игорь. – Знаешь, недавно видел рекламу препарата для повышения потенции. Волосатый бард Кость, в трусах, закинув ногу, шевелил коленями и всем низом. Любая женщина или мужчина, покрытые пленкой цивилизации, как собственной кожей, прекрасно поняли естественную животность этого жеста. Это не только намек: прекратить лицемерить. Может быть, здесь кроется возврат человека в его естественную не угнетающую среду. Как у животных – стремление изжить радость существования и продолжиться в потомстве. Вот что тебя возродит!

– Возврат в природу? Вы что! – удивился Травкин, поедая очередной бутерброд. – Бросить наши нелегкие преобразования...

Игорь зажегся.

– А что такое восстание хиппи, с нарисованными на щеках яркими цветочками? – продолжал он. – А наши молодые в «стрит-стайле», на ком все цвета и вещи противоречат одно другому? Назло всем розовые или зеленые волосы, кольцо в носу, короткие джинсы, рваные на коленях, отвислая майка, бутсы на ногах. А наши хрипуны рокеры и рэперы с голыми торсами, рэп-баттлы, фристайлы и зашквары... Это протест против удушающего порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.